

**ХОЗЯЙКА
ТРАВЫ**

*саамские
сказки*

Художник В. Юрлов

ХОЗЯЙКА ТРАВЫ

*саамские
сказки*

Пересказала А. ЕЛАГИНА

29630
1.4

— 92 —

Акканийди — Ясное Пятнышко

Много, очень много детей у Солнца — сын Пейвальке — Солнечный Луч, Гром и Буря, Тучи и Ветры. Но больше всех любит Солнце трех своих дочерей — Золотую Песчинку, Синюю Тень и самую меньшую, Ясное Пятнышко.

Привольно живется дочерям Солнца. Гоняются они по тундре за стадами диких оленей, пляшут в лесу на поляне, плещутся, как рыбки, в озере Сейтявр, а потом отдыхают на его берегу.

Вот раз увидели сестры: плывет по озеру берестяная лодка. А в лодке — Рыбак, сеть в воду закинул. Захватила сеть половина рыбы — пятерым не вытащить. А рыбак взялся одной рукой за конец сети, перекинул через плечо — и полна до краев лодка рыбой. Молодой, сильный.

Приглянулся тот Рыбак сестрам. Затаились они среди деревьев и стали его дожидаться.

Подвел Рыбак лодку к берегу, сеть развесил сушить, костер разжег, рыбу в котле сварил, наелся и спать повалился.

Топнула ногой старшая сестра, Золотая Песчинка, говорит:
— Мой он! Слышите! Мне будет служить!

Отломила она краешек от своего печка¹ из золота литого, кинула в лицо рыбаку, так, что отметина на лбу осталась. Но крепко спал Рыбак, не проснулся.

Засмеялась тогда вторая сестра, Синяя Тень, говорит:

— Не спеши, сестрица! Пусть спит, там видно будет!

Хотела и младшая сестра, Ясное Пятнышко, слово молвить, да не успела. Утомилось Солнце ездить по небу в своей кереже², ушло за море спать, темно стало, наступил вечер. И побежала Ясное Пятнышко догонять отца своего, Солнце.

А Синяя Тень накинула на берег туманный полог, протянула к Рыбаку прозрачные руки,дохнула на него прохладой и запела свою ночную песню. Всю ночь пела она, и не почувал Рыбак, как онемели от холода его руки и ноги, заоченели кости, замерло сердце.

Тогда снова засмеялась Синяя Тень:

— Хва-хва-хва! Что скажешь теперь, сестрица? Чей он? Кому будет служить?

— Все равно мне! — не уступила Золотая Песчинка. — Нет человека на свете, чтобы от меня отказался! Пусть только глянет на мой золотой наряд, когда настанет утро!

Тут наступило утро, выехало на небо Солнце, а за ним прибежала его меньшая дочка Ясное Пятнышко. Кинулась она к озеру, сорвала с берега туманный полог, прильнула к Рыбаку и стала смотреть ему в лицо жаркими глазами. И чем дольше смотрела она, тем горячее становилось его сердце,

¹ Печок — длинная рубаха, обычно меховая.

² Кережа — санки в виде лодочки с одним полозом.

согревались застывшие руки и ноги. Открыл Рыбак глаза, видит: склонилось над ним девичье личико румяное и круглое, теплом дышит. Надет на девушке печок из шелковых паутинок, на ногах у нее алые канежки¹ из ягод морошки. Протянул рыбак к девушке руки и воскликнул:

— Кто ты, красавица, на дочь Солнца похожая?

— Я и есть дочь Солнца! — ответила Ясное Пятнышко.

Удивился Рыбак, опечалился. Спрашивает:

— Зачем же ты смотришь на меня, дочь Солнца? Зачем согреваешь мое сердце жаркими глазами? Разве ты пойдешь за меня замуж? Разве станешь жить в моей темной веже?²

— Пойду за тебя замуж, — ответила Ясное Пятнышко. — Стану жить в твоей темной веже.

Взяла она Рыбака за руку, и пошли они вдоль берега туда, где стояла рыбацкая вежа, сложенная из ветвей и бревен.

Кинулась за ними вдогонку Синяя Тень, то справа забежит, то слева, то сзади за ноги схватит. Бросилась за ними Золотая Песчинка — весь подол печка обломала, все золотые обломки им в спину кидала.

Ничего не видели и не слышали Рыбак и Ясное Пятнышко, только смотрели в глаза друг другу. Так и вошли они в свою вежу.

А Золотая Песчинка и Синяя Тень до того озлились, что забыли про свои раздоры и побежали с жалобой к Солнцу.

— Негодная у тебя меньшая дочь, отец, — сказали они. — За Рыбака вышла замуж. Пристало ли это дочери Солнца? Накажи ее строго. А Рыбака отдай нам, пусть нам служит.

Сильно опечалилось Солнце, затуманилось тучкой, дождем пролило слезы на землю. Говорит:

¹ Каньги, канежки — легкие полусапожки, обычно меховые.

² Вежа — старинное жилище саамов.

— Жаль мне мою меньшую дочь Ясное Пятнышко, нежную и кроткую. Нелегкую она себе выбрала долю — быть женой человека. Узнает она радость, но и много горя. Снимет с себя солнечный наряд и забудет, что она дочь Солнца. Весь свой век будет работать и умрет, как и все люди.

Помолчало Солнце, слезы отерло и гневно сверкнуло огненным оком.

— А вы, — говорит, — сестры ее родные, чем же хороши? Прибежали ко мне ябедничать? Так вот вам мое слово: хватит вам носиться по свету. Ты, Синяя Тень, сиди в лесу на болоте, охраняй мои подземные воды. Ты, Золотая Песчинка, уйди в каменную гору, сторожи мои подземные богатства. И не троньте Ясное Пятнышко и ее мужа, не то накажу еще строже!

Сказало так Солнце и тучами заслонилося.

Присмирели сестры. Одна ушла в лес на болото к Черной Вараке¹, другая скрылась в каменной горе. Но злобу на сестру затаили.

А Ясное Пятнышко сняла свой пещок из шелковых паутинок, сняла свои алые канежки, все в сундук положила и надела меховые саамские одежды. Стала она помогать мужу ловить рыбу, стала сушить ее над огнем и вялить под солнцем, стала топить очаг и варить пищу, дубить оленьи шкуры и шить из них теплую одежду. Весь день были в тяжелой работе ее руки, но жаркие глаза всегда сияли, а круглое личико улыбалось. Верно поэтому было светло в рыбацкой веже, даже если очаг не горел и не светило Солнце. А когда родилась у Ясного Пятнышка дочка, стало в веже еще светлее: так была маленькая на мать похожа. Поэтому рыбак назвал девочку Акканийди, что значит матери своей дочка.

¹ В а р а к а — холм, поросший лесом.

Была уже Акканийди отцу по колено, а матери по пояс, когда сказал рыбак Ясному Пятнышко:

— Видал я на болоте у Черной Вараки березы больно хороши. Пойду вечером при луне бересты надеру.

Стала просить мужа Ясное Пятнышко:

— Не ходи к Черной Вараке на ночь глядя. Пойди завтра с утра раненько. Найди другой лесок, там надерешь бересту не хуже.

Хоть была теперь Ясное Пятнышко простой женщиной саамской, а не дочерью Солнца, все равно она многое знала. Но не послушался рыбак жены, наточил ножик, собрался и пошел вечером к Черной Вараке.

Нечистое это было место, дикое, нехоженое. Камни наворочены друг на друга, словно кто накидал их злою рукою. Стволы берез перекручены, в кольца свернуты, по земле распластаны словно гады ползучие. А посередке — болото стоячее, трясина бездонная.

Побоялся Рыбак идти туда, пошел по окраине, по моховому лесочку. Там березы стояли высокие, круглые, с гладкой белой корой, с глубокими чалмушками — глазками березовыми. От такой ямки хорошо бересту драть.

Выбрал Рыбак березу поровнее, вынул нож и только сделал надрез у чалмушки, вдруг видит — оттуда глаз на него живой смотрит, синий-синий. А из-за березы руки прозрачные тянутся и смех слышен:

— Хва-хва-хва! Рыбак, а Рыбак! Возьми меня замуж!

Отскочил Рыбак, думает померещилось ему, пошел к другой березе. Только нож к чалмушке приставил, снова глаз на него живой смотрит, руки вокруг шеи обвились и голос на ухо шепчет:

— Хочешь не хочешь, все равно возьмешь!

Взмолился Рыбак:

— Кто ты ни есть — отпусти! Не могу я тебя замуж взять, у меня дома своя жена есть и дочка растет!

Тут вышла из-за березы Синяя Тень, косы до самой земли струятся, синими очами в душу смотрит, туманным рукавом машет, спрашивает:

— Разве не хороша я? И у меня малые детки есть — дочь Востроглазка, сынок Горелый Пенек и сынок Мохнатый Мышок — отцом им будешь, кормить нас станешь!

Только сказала так — вскочила Востроглазка Рыбаку на грудь, Горелый Пенек на правую ногу, Мохнатый Мышок — на левую.

Рванулся Рыбак, да не тут-то было — с места стронуться не может.

— Как же я вас прокормлю? Куда дену? У меня вежа вон как тесна! — заплакал Рыбак.

— А ты старую женку прочь, я вместо нее буду! — говорит Синяя Тень. — Вот и прокормишь. А вежу для нас новую сложишь.

Покорился Рыбак Синеи Тени, стал деревья рубить, ветки срезать, новую вежу складывать.

Все дырки, все щелки велела ему Синяя Тень замазать, чтобы ненароком Солнечный Луч не глянул. Боялась она гнева отца своего Солнца.

Сложил Рыбак вежу, забралась в нее Синяя Тень со своими детенышами и говорит:

— Ну, теперь иди рыбу лови, нам неси, мы есть хотим.

Поплелся Рыбак домой ни жив ни мертв. Рассказал все жене, покаялся.

Говорит ему Ясное Пятнышко:

— Не послушался ты меня, пошел ночью к Черной Вараке.

Теперь будем мы с тобой Синей Тени служить. Ничего не поделаешь, пойдем рыбу ловить.

Наловили они рыбы, сварили котел, и понес Рыбак варево на болото. Только вошел в вежу, накинулись на еду детеныши, за обе щеки запихивают, косточками похрустывают. Умяли весь котел, кричат: еще давай! А Синяя Тень жалуется:

— Я и не распробовала!

Снова Рыбак с женой рыбы наловили, варево наварили. Двоим Синей Тени два котла понесли. Наелись до отвала детеныши, под сырой мох забились, спать завалились. Наелась до отвала Синяя Тень, в темный угол залезла, Рыбака за собой манит. Обняла его мокрыми руками, стала липким языком голову облизывать. Лижет, тиной обмазывает, а у того волос за волосом с головы падает.

Так и повелось: что ни день — Рыбак с женой рыбу ловят, два котла варят. Синюю Тень и ее детенышей кормят. Самим ничего не остается. Разве что дочка Акканийди морошки да грибов из лесу принесет. Так бедно кормились, что совсем отощали. Сморщилось у Ясного Пятнышка круглое личико, согнулась спина, жаркие глаза померкли. Рыбак ссутулился, весь усох и совсем облысел.

Вот раз говорит Солнце своему сыну Пейвальке:

— Слетал бы ты, сынок, к озеру. Посмотрел бы, как там Ясное Пятнышко со своим Рыбаком живет.

Полетел Солнечный Луч на землю, пошарил у озера по тропам, по болотам, возвращается к отцу и говорит:

— Нигде Ясного Пятнышка я не встретил. Видел только старика со старухой, несли они котлы с рыбой на болото к Черной Вараке. Там вежа стоит, а кто в ней живет, не знаю — все щелочки, все дырочки тиной залеплены.

Обо всем догадалось Солнце. Послало оно своего сына

Бурю к Черной Вараке. Дунуло, грянуло, затрещало, всю вежу по бревнышкам разметало. Нырнули в трясину детеныши, а Синяя Тень на кочке сидит, от страха дрожмя дрожит.

Долго смотрело на нее Солнце. Под огненным его оком растаяли длинные ее косы, жабыми лапками стали руки, синие глаза выпучились и помертвели. Сама она съежилась — живот да голова остались. Куда только красота девалась?

— Так ты выполнила мою волю? — наконец молвило Солнце. — Не дочь ты мне больше. Отныне ты болотная старуха по имени Оадзь, живущая хитростью и коварством. Так пусть же все видят твою черную душу, пусть страшится и бежит от тебя все живое.

Дальше поехало по небу Солнце. Осталась Оадзь сидеть на кочке, с места сдвинуться не может, молча рот до ушей разевает.

Тут как раз Рыбак и Ясное Пятнышко котлы с варевом принесли. Обрадовалась Оадзь, жабьей лапкой к себе Рыбака манит.

— Брю-брю-брю! — говорит. — Иди, пожалей меня, мой милый!

Глянул Рыбак на болотную старуху, со страху попятился и уронил котлы в трясину. Схватила его Ясное Пятнышко за руку, и убежали они с той Черной Варакы домой без оглядки.

Ну, снова с той поры зажили они хорошо. Рыбак с женой рыбу ловят — всю домой несут. Акканийди сети сушит, очаг разжигает, варево варит — отцу с матерью помогает. Большая стала.

Вот раз приходит Рыбак домой и говорит:

— Смотри, жена, я золотой камешек на берегу нашел — весь блестит.

Посмотрела Ясное Пятнышко и узнала обломочек от золо-

того печка́ старшей своей сестры Золотой Песчинки. Говорит мужу:

— Брось этот камешек в озеро на глубокое дно. Беда нам от него будет.

Многое, очень многое знала Ясное Пятнышко.

Но не послушался Рыбак жены, говорит:

— Не стану я золото на дно озера бросать. За него люди знаешь что дадут? Стадо оленей, новую сеть и новые котлы! Я лучше пойду еще поищу.

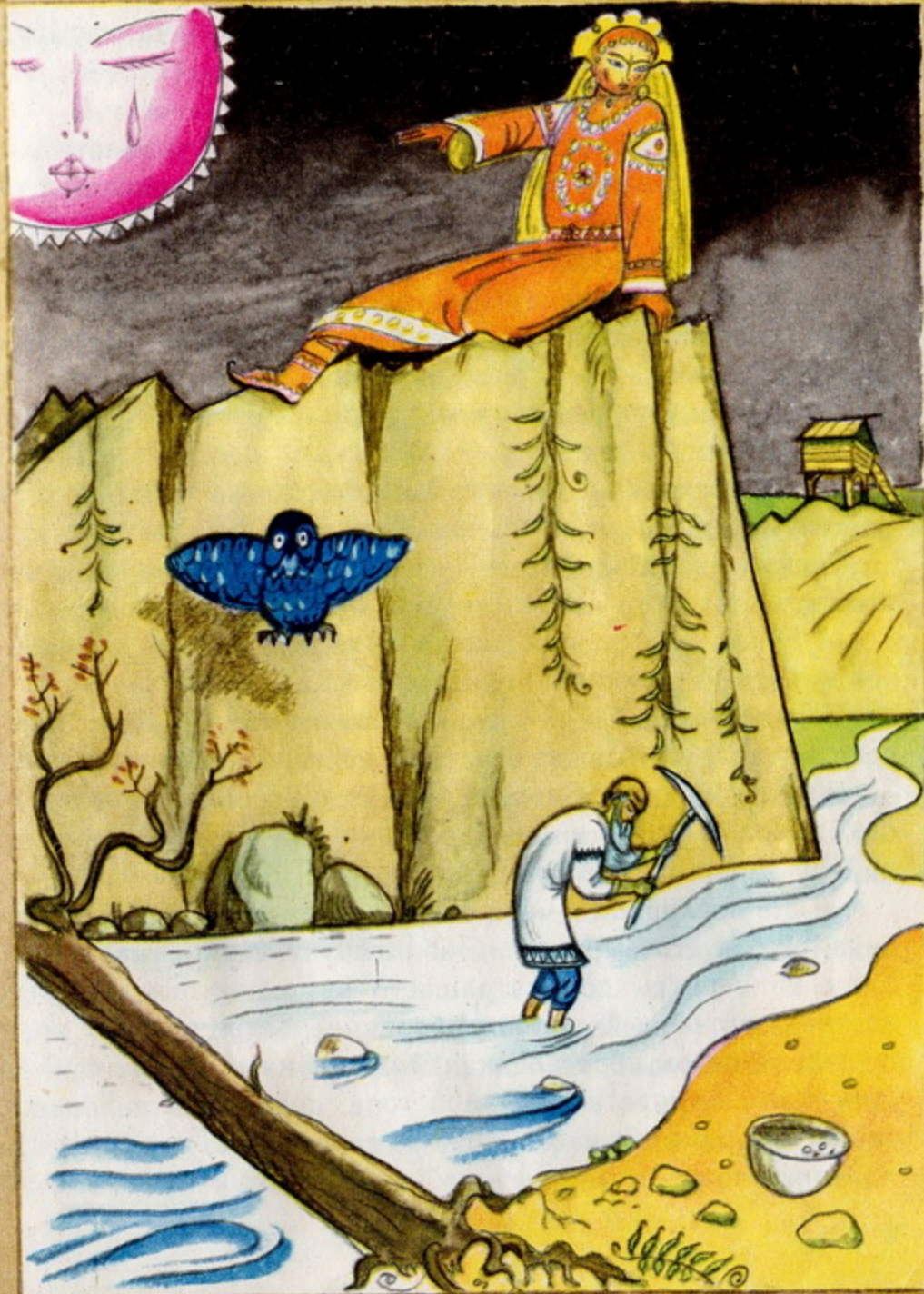
Пошел он по берегу, под ноги смотрит. Нашел еще обломочек, потом еще. Полную кису́¹ золотых камешков набрал. А все дальше вдоль берега идет, остановиться не может — такая жадность его душу обуяла. Весь день шел, пол-озера обошел, а к вечеру привели его золотые обломочки к каменной горе. Дальше и пути нету. Топчется Рыбак, а домой не возвращается. Где блеснет в горе золотинка — ножом выбивает. Стукнул раз, другой, третий — вдруг раздвинулась перед ним гора, и видит он: стоит красавица в золотом печке́, на ногах канежки рубиновые, глазами изумрудными посверкивает.

— Знала я, что придешь мне служить, — говорит. — Вон моя отметина у тебя на лбу. Полюбился тебе желтый камень, что ж — добывай его. Вон сколько его у меня!

И показывает золотой рукой на каменные глыбы. Тут и кирка лежит, и вода бежит, и лоток для промывки стоит. Ухватился Рыбак за кирку, давай камень дробить. Набил полный лоток, промыл водой — золото на дне лотка блестит.

Он снова за кирку, снова камень дробит, в лотке промывает, золото в кучу складывает. И не чует, что закрылась каменная гора, не видит, что свет небесный померк, темные

¹ Киса́ — кожаный мешок.

своды нависли. Стоит перед ним Золотая Песчинка, изумрудами посверкивает, знай Рыбака подгоняет:

— Работай, старик, работай!

А он и сам старается изо всех сил. Намыл кучу золота выше головы, а все мало ему, все киркой машет. Только нет уже прежней силы в руках, ноги дрожат, подкашиваются. И не камень летит из-под кирки, а искры рассыпаются во все стороны.

Опустил старик кирку, дух перевести, тычет его пальцем Золотая Песчинка:

— Ты что! Пришел служить, так служи!

Взмолился Рыбак:

— Сил моих больше нет. Мне бы только золото с собой унести.

Топнула ногой Золотая Песчинка, так что гул подземный пошел.

— Никто еще отсюда золото не уносил. Гляди! — и рукой вокруг повела.

Огляделся Рыбак — сколько видит глаз, груды золота светятся вокруг, и лежат возле них кости человеческие.

Ждала Ясное Пятнышко мужа два дня — не идет Рыбак домой. На третий день говорит она дочке своей Акканийди:

— Не послушался меня старый — видно, стряслась с ним беда. Пойду его выручать. Либо выручу, либо сама пропаду. Если не вернусь до завтрашнего утра, — открой сундук, достань солнечный наряд. Сбрось меховую рубаху, надень шелковый пёчок, сбрось кожаные чулки, надень алые канежки. Иди в том наряде к каменной горе, поднимись на ее голую вершину, разожги там костерок из травы и мха и сожги на нем пальчик, что я тебе дам.

Отломила Ясное Пятнышко мизинчик с левой руки и дала дочке своей Акканийди.

— Останется в огне белая косточка, спрячь ее под левую пятку в алую канежку. Прилетит тут Пейвальке — Солнечный Луч, станет тебя спрашивать. Ничего ему не отвечай, проси только, чтобы взял тебя с собой, когда домой полетит.

Так сказала Ясное Пятнышко, простилась с дочкой и пошла по береговой тропке прямо к каменной горе.

Ждала Акканийди свою мать день и ночь до самого утра — все глаза проглядела. Не вернулась Ясное Пятнышко домой. Открыла Акканийди сундук, достала солнечный наряд, надела. Все ей в пору пришлось — и блестящий пёчок, и алые канежки. Пошла Акканийди по той же тропке, что мать ушла, по ее следочкам. Дошла до каменной горы, взобралась на голую вершину и костерок разожгла. Положила она заветный мизинчик в огонь, и когда осталась белая косточка, спрятала ее под левую пятку в алую канежку.

Тут Пейвальке — Солнечный Луч прилетел поглядеть, кто тут костерок жжет на голом месте? Увидал Акканийди, обрадовался. Говорит:

— Ты ли это, моя сестрица Ясное Пятнышко? Откуда ты тут взялась?

Не отвечает ему Акканийди, как мать велела. Просит только:

— Возьми меня с собой, Пейвальке — Солнечный Луч, когда домой полетишь!

— Что же ты, сестрица, неужто летать разучилась?

Не отвечает ему Акканийди, просит только: возьми да возьми!

Подхватил Пейвальке девушку на руки, вознес над землей и полетел с нею к отцу своему Солнцу.

— Смотри, — говорит, — отец, вот меньшая твоя дочь Ясное Пятнышко!

Посмотрело Солнце на Акканийди, головой покачало. Спрашивает:

— Кто ты, девушка, на Ясное Пятнышко похожая?

— Я — Акканийди — матери своей дочка. Ушла моя мать в каменную гору отца выручать, да там и пропала. А мне велела надеть солнечный наряд и отнести тебе все то, что от нее осталось.

Сняла Акканийди канежку с левой ноги, подала Солнцу. Увидело Солнце родную косточку, догадалось, что нету уже на свете Ясного Пятнышка. Застонало оно, стало звать детей своих Ветры, Гром и Тучи. Примчались Ветры, затянули Тучи небо, грянуло, грохнуло, затрещало. Расколел Гром огненным рогом надвое каменную гору. Видит Солнце — стоит в проломе Золотая Песчинка, со страху двинуться не может. А вокруг нее лежат кости человеческие.

Долго смотрело Солнце на Золотую Песчинку. Под гневным оком его расплавился ее золотой печок, стали копытами рубиновые каньги. Изогнулся хребет горбом, голова в плечи вошла, и все тело ее обросло бурой шерстью. Куда только красота девалась?

— Так ты выполнила мою волю? — наконец молвило Солнце. — Не дочь ты мне больше. Отныне ты — подземная старуха злая и ненасытная по имени Вагахке. Пусть же все видят твою черную душу, пусть страшатся и бегут от тебя люди.

— А ты, Акканийди, останешься со мною, будешь Ясным Пятнышком, моею дочкой нежной и кроткой. Сделаю я тебя бессмертной, научу летать и согревать своим теплом все живое.

Сказало так Солнце и поехало в своей карете дальше по небу. Поспешил за отцом сын Пейвальке — Солнечный Луч с девушкой Акканийди, полетели Гром и Тучи.

А Вагахке топнула со злости копытом, да так, что гул прошел по земле, и гора над нею сомкнулась...

Когда это было? Давно, так давно, что никто не упомнит. Только с той поры рыщет по свету ненасытная Вагахке в поисках добычи. Бегут от нее люди, не то схватит и унесет в свою каменную гору.

А хитрая старуха Оадзь живет на болоте, как велело Солнце. Поет она по ночам свою песню, заманивает прохожих. Кто заслушается, подойдет поближе — того схватит жабьими лапками и утащит в трясиину. Днем хоронится болотная старуха в тине, чтобы ее никто не увидел. Боится она Солнца, боится Солнечного Луча-Пейвальке, а пуще всего боится нежного взгляда Ясного Пятнышка — Акканийди.

Видишь, вон меж еловых веток девичье личико круглое и румяное теплом дышит? Это она — Акканийди — Ясное Пятнышко, это ее печок блестит шелковый паутинкой, ее канежки из ягод морошки в траве алеют. Жаркими глазами смотрит она на землю. Любит она все живое, всех жалеет, всех согревает — матери своей дочка.

Хозяйка Травы

Вольно ходят по широкой тундре дикие олени. Мать-важенка¹, Хозяйка Травы, деревья, ягель² и травы охраняет, в Синь-озере воду сторожит, чтобы вволю было еды и питья зверям, птицам и людям. Сын Олешка — Золотые Рожки то скачет по зеленому раздолью, то в небо взлетит — светит месяцем молодым. Наставит на мать золотые рожки — вот-вот забодает. Она тронет его замшевыми губами за бочок, он прижмется к ней, глаза закроет и сосет-сосет материнское молоко.

Шел как-то мимо по лесному болоту Тала-Медведь³. Сел на кочку, увидел сквозь ельник Хозяйку Травы, сам себя пожалел:

¹ Важенка — олениха.

² Ягель — мох, которым питаются олени.

³ Тала-Медведь — леший в облике медведя.

— Ой, бедный я! Померла моя Талахкне, ушел от меня сын Талашка! Один живу, как старый пень. Мне бы в жены Хозяйку Травы, — и облизнулся.

Пошли по болоту пузыри — пых-пых, заворочался кто-то под кочкой, забрюзжал:

— Брю-брю! А мне бы Олешку — Золотые Рожки для дочки моей Остроглазки!

— Это кто там голос подает? — взревел Тала и на месте подскочил.

— Это я, Оадзь — болотная старуха. Сиди, сиди Тала-Медведь, гостем будешь!

Вылезла Оадзь из болота, вся в зеленой тине. Лапки тоненькие, глаза выкачены, рот до ушей. Паук не паук, кузнечик не кузнечик, жаба не жаба. Одно слово — кикимора.

— Брю-брю, — говорит. — Близо ходит Хозяйка Травы, а попробуй возьми ее, Тала-Медведь. Живо примчится муж ее — огнерогий олень Мяндаш-Гром. Весь белый, черная голова воздета высоко. На невидимых крыльях летит. Топотом копыт оглушит, рогами-молниями ослепит, ливнем небесным зальет. Будешь слеп, глух и нем.

Почесал Тала в затылке. Хоть и не простой он медведь, а дух лесной, но с Громом небесным ему не тягаться.

— Хва-хва, — смеется Оадзь, — испугался? Не робей! И на Гром небесный управа найдется. Подставляй ухо!

Шепчет Оадзь, учит Талу, как огнерогого оленя хитростью взять, тина у нее изо рта брызжет. Велит затаиться, ждать пока прилетит с грозой Мяндаш-Гром. Будет он в небе играть, огненными рогами сверкать, копытами греметь, а как прольется дождем — всю свою силу земле отдаст. И падет он тогда на вершину Зеленой Вараки и заснет богатырским сном. Тут уж, Тала-Медведь, смотри не зевай!

Сказала так и бултых в трясику, только пузыри пошли.

Поплелся Тала-Медведь домой, залез на печку, брюхо греет, лапу сосет, ждет. Тут выиграла гроза, загредел гром, за сверкали молнии. Вскочил Тала, схватил вангас¹, схватил цепи железные, побежал к Зеленой Вараке. Взобрался на вершину, засел за елкой, ждет, пока весь дождь прольется.

Затих дождь, громыхнул последний раз Мяндаш-Гром, прыгнул с неба на вершину Вараки и спать повалился. Лежит на земле, спит, ничего не слышит.

Подобрался к нему Тала-Медведь, вангасом белую шею ему стянул, цепями ноги опутал, взвалил на спину и понес домой.

Проснулся огнерогий олень, рванулся, цепями загредел, а вырваться не может. Втащил его Тала в бревенчатый амбар, свалил у стены, дверь закрыл и пудовый замок повесил.

Лето миновало, зима прошла, весеннее солнце выехало на небо в своей кереже, огненным оком землю палит. Самое время Грому загреметь, дождю пролиться. Но не летит, не гремит Мяндаш-Гром. Все глаза проглядела Хозяйка Травы — не видеть, не слышать огнерогого оленя. А ежели Гром не гремит — дождь не идет, дождь не идет — земля не родит, земля не родит — трава не растет, лист на деревьях сохнет. Худо всему живому.

Прибежали к Хозяйке Травы полевые мыши, плачут:

— Все-то мы былинки изгрызли, все корешки сжевали. Чем теперь деток кормить, не знаем. Выручай, Хозяйка Травы!

Прискакали из лесу белки, плачут:

— Все-то мы шишечки посбивали, все орешки пощелкали. Чем теперь деток кормить, не знаем. Выручай, Хозяйка Травы!

¹ Вангас — веревочная или ременная петля для ловли оленей.

Прилетели со всех сторон птицы, плачут:

— Все-то мы зернышки пособрали, всех мешков поклевали. Чем теперь деток кормить, не знаем. Выручай, Хозяйка Травы!

Рада бы Хозяйка Травы выручить всех, да не может. У самой зеленой травинки во рту не было давно. И Олешка-сын не скачет, не играет, взобрался на небо, опустил понуро золотые рожки, ждет материнского зова. А Хозяйка Травы только вздыхает — нет у нее молока для любимого сына.

Вот говорит она Олешке:

— Пойду-ка я к людям попрошу у них еды и питья. Спрошу, может знают они, где отец твой огнерогий олень Мяндаш-Гром. А ты тут дождайся.

Припала она грудью к земле и стала женщиной саамской. Заплелись рога в длинные косы, вместо шкуры на теле замшевая рубаха с узором, на ногах беленькие каньги.

Пошла Хозяйка Травы к людям. Вот рядами стоят человечьи вежи. Только меж ними не то что людей, а и собак не видно. Заглянула Хозяйка Травы в одну вежу, в другую — лежат пластом старики и малые дети, словно тени, бродят молодые. Очаги в вежах не горят, дымок не вьется, варевом не пахнет. Нет у людей ни еды, ни питья. Голод.

Тихим голосом спрашивают люди:

— Не слыхала ли ты, молодница, скоро ль гром грянет, дождик прольется? Не можем мы долго ждать, мало в нас жизни осталось.

Услыхала такие слова Хозяйка Травы, залилась горькими слезами. Пошла прочь и дорогу сквозь слезы не видит. Тут-то и подстерег ее Тала-Медведь. Выскочил из-за камня, кричит:

— Побежишь — съем, не побежишь — съем! Выходи за меня замуж!

— Как же я пойду за тебя замуж? — отвечает Хозяйка Травы. — Жду я огнерогого оленя Мяндаш-Грома. Прилетит он, худо тебе будет.

Захотел Тала-Медведь во все горло.

— Ты не жди, — кричит, — своего Грома. Не видать тебе его вовеки. Одолею я его в богатырском бою. Один я знаю, где его косточки белеют. Ну, как, пойдешь за меня? Хозяйкой в моем доме будешь?

Задумалась Хозяйка Травы: хвалится Тала-Медведь или вправду знает, где Мяндаш-Гром? Говорит Медведю:

— Ладно, пойду я в твой дом хозяйкой, домовничать буду. А когда сломаешь эту железную паньгу¹, тогда и свадьбу сыграем, — и дала Медведю паньгу, которую сам Мяндаш-Гром ковал.

Схватил Тала-Медведь паньгу, схватил Хозяйку Травы, перекинул через плечо и побежал что есть мочи в лесную чашу, домой.

Ждал-ждал Олешка — Золотые Рожки свою мать Хозяйку Травы, не идет она, не несет ему молока. Еще ниже опустил он свои рожки, хотел в Синь-озеро поглядеть, воды напиться. Не тут-то было, высохло Синь-озеро до самого дна. Совсем запечалился Олешка, глаза закрыл, голову на сухую землю склонил.

Тут слышит он, зовет его кто-то тонким голосом:

— Брю-брю! Иди к нам в болото, Олешка — Золотые Рожки! У нас хорошо! У нас сыро!

Одной ногой шагнул к болоту Олешка, остановился — материнский наказ вспомнил. А голос зовет:

— Иди, иди! Брю, брю, не бойся! Мы тебе дадим напиться!

¹Паньга — часть оленьей уздечки.

Второй ногой шагнул Олешка, снова остановился. А голос все выпевает:

— Иди, иди. Ждет тебя здесь твоя невеста.

Забыл тут Олешка материнский наказ, прыгнул с неба и всеми четырьмя копытцами угодил в трясину. Еще ладно совсем не провалился — рожки в еловых ветках застряли. Однако и с места стронуться не может. Скачет вокруг него Оадзь, лапками мельтешит, то тину ему к губам подносит, то болотную жижу.

— Ешь, — говорит, — пей. Ты теперь будешь нашей породы. Вон идет твоя невеста Остроглазка. Ну, чем вы не пара? У тебя рожки золотом блестят, а она вся светится синим светом.

Посмотрел Олешка — и вправду, синим облачком плывет Остроглазка, то в одну сторону покачивается, то в другую, огоньками-глазками посверкивает. Поклонилась она ему, кругом обошла и впереди встала — пусть любитесь.

— Ну, как, хороша, брю-брю, моя дочка? — спрашивает Оадзь Олешку.

— Хороша! — отвечает Олешка.

— Так зачем дело стало? Давай играть свадьбу.

Стала Оадзь верещать, гостей на свадьбу созывать. Вылезли из болота жабы да мокрицы, приползли ужи и гадюки, прилетели комары и оводы. Стали они веселиться — жабы на все голоса голосят, оводы в трубы гудят, комары — в сверестелочки, а ужи с гадюками под их музыку пляшут, извиваются. Пели они, пели, плясали, плясали, тут Оадзь лапку подняла, закричала:

— Дорогие гости, пора и за угощенье!

Накинулись гости друг на дружку — жабы мокриц глотают, ужи жаб хватают, гадюки за ужами гоняются. А оводы

на Олешку напали — жалят его, кусают. Бегает вокруг Олешки Остроглазка, хворостиной оводов отгоняет.

— Пошли вы! — кричит. — Всю кровь из него высосете! А нам что останется?

Скачет среди гостей старуха Оадзь, и кто попадетсся — в рот захихивает. Такая пошла драка, что не увидел никто, как Солнце на небо выехало. Глянуло оно жарким оком, что там за шум на болоте?

Испугались жабы, нырнули в болото, расползлись по норкам ужи и гадюки, разлетелись оводы с комарами. Схватила Оадзь свою дочь Остроглазку, тащит в трясины.

— Идем с нами, — зовет она Олешку, — у нас ни холодно ни жарко, темно и мягко, Солнце не палит и ветер не дует. Хорошо тебе будет с невестой твоей Остроглазкой!

Смотрит Олешка, где же его невеста? Почему не светится синим светом, почему глазками не сверкает? Видит, держит в лапках Оадзь свою дочку Остроглазку — трухлявую болотную гнилушку.

Рванулсся Олешка прочь, а вырваться из трясины не может.

— Ничего, мы тебя снизу потянем! — крикнула Оадзь и бултых в болото.

И стали тянуть. Чует Олешка, все глубже ноги уходят в трясины, вот до бабок, вот до коленей. Закричал он, затрубил громким голосом:

— Мать моя, Хозяйка Травы, где ты? Не дай сыну пропасть, выручай!

Тем временем притащил Тала-Медведь Хозяйку Травы к себе домой. Большое у Талы хозяйство: вокруг двора огорожа — бревна в три обхвата, во дворе дом с трубой, амбар, два

хлева. В одном — овцы, в другом — коровы. По двору черепа и кости обглоданные валяются.

Велел Медведь Хозяйке Травы овец и коров накормить, напоить, молока надоить и кости на дворе в кучу собрать.

— А к тому амбару не смей подходить, не то худо будет! — так сказал и ушел в лес на охоту.

Хозяйка Травы овец и коров накормила, напоила, молока надоила, стала кости обглоданные в кучу собирать, а сама думает: «Что ж там в амбаре у Талы схоронено?» Подошла близенько, спрашивает:

— Есть там кто живой? Отвечай?

Услышал ее Мяндаш-Гром, цепями залязгал, прохрипел:

— Не ты ли это, Хозяйка Травы, жена моя?

— Я! Я! Как ты в амбар попал, зачем в нем сидишь?

— Взял меня Тала-Медведь сонного, горло вангасом сдавил, ноги цепями опутал, принес сюда и запер. Выручай меня, Хозяйка Травы!

А Тала-Медведь на охоте услышал, как цепи залязгали, и скорее скоком, скоком домой. Что такое? Почему цепи лязгали?

Спрашивает у Хозяйки Травы:

— Ты ходила в тот амбар?

— Нет, я только мимо шла, а там цепи залязгали. Я испугалась и отошла.

Тала-Медведь вокруг амбара обошел, замок подергал и строго-настрого наказал:

— Даже мимо того амбара не ходи. А то, смотри, я узнаю!

Бросил он кусок оленины да кусок человечины в котел, велел обед варить. Сварила обед Хозяйка Травы, Тала ест, похваливает, а она отворачивается — не по нраву ей мясной

дух. Пошла в хлев, сенца пожевала, молоком запила и сыта. Наелся Тала-Медведь до отвала, по брюху себя поглаживает, приговаривает:

— Теперь я силен. Теперь я буду твою паньгу ломать.

Он эту паньгу и зубами, он ее и лапой, он ее и об камень — крепкая паньга, не рвется, не ломается, только искры летят. Уморился Тала-Медведь и спать повалился. А Хозяйка Травы стала искать, куда он ключ от амбарного замка прячет.

Все оленин шкуры перетрясла, всю золу в очаге просеяла, все углы подмела — нет ключа.

Вышла она во двор и позвала:

— Мыши мои мыши, идите сюда!

Прибежали на ее голос мыши. Велела она им ключ от замка искать.

Весь подпол мыши обшарили, все закрома облазили, все сено переворошили — нет ключа.

Позвала тогда Хозяйка Травы птиц:

— Птицы мои, птицы, летите ко мне!

Прилетели к ней птицы, велела она им ключ от замка искать.

Всю тундру птицы облетели, во все вежи заглянули, на всех деревьях посидели — нет ключа. Только говорят:

— На вершине Черной Вараки, на макушке столетней елки, медвежья киса висит. К чему бы ей там висеть?

Позвала тогда Хозяйка Травы лесных белок. Прискакали к ней белки, велела она им:

— Бегите на вершину Черной Вараки, залезайте на столетнюю елку, там медвежья киса висит. Поглядите, что в ней.

Поскакали белки на Черную Вараку, увидели на елке мед-

вежью кису, взлетели на макушку, стали кису грызть. Прогрызли в коже дырку — вывалился на землю железный ключ. Подобрали они его и понесли Хозяйке Травы.

Взяла она ключ, подошла к амбару и говорит:

— Это я, твоя жена, Мяндаш-Гром. Ты тихо лежи, цепями не лязгай, Талу-Медведя не буди. Сейчас я выручу тебя.

Отомкнула она пудовый замок, вошла в амбар, вангас на шее у Грома ножом перерезала, стала цепи распутывать.

Крепился, крепился Мяндаш-Гром, не гремел, а как упала последняя цепь, вскочил на ноги, плечи расправил, копытами затопал — дрогнули от грома амбарные стены, по бревнышкам развалились.

Выскочил из дому Тала-Медведь, бросился на оленя, когтями рвет. Метнул в него огненным рогом Мяндаш-Гром, шкуру Тале спалил — взвыл от боли Тала-Медведь. Метнул еще раз свой рог Мяндаш — загорелся медвежий дом. А огнерогий олень подхватил Хозяйку Травы и на невидимых крыльях помчался по небу. Летит, огненные рога разметав, черной головой трясет, копытами гремит. Тешится свободой Мяндаш-Гром — так грохочет, что от того грохота голоса живого не слышно. Но материнское сердце все чувствует — услышала Хозяйка Травы зов своего сына Олешки — Золотые Рожки. Велела она Грому к болоту лететь. Бросил Гром Олешке свой рог, выхватил из трясины. Вцепилась было Оадзь в Олешку, не пускает — и угодила под Громово копыто.

А Мяндаш-Гром летал-летал, громыхал-громыхал и пролился дождем над всей землей. Пила земля, пили звери, пили люди, Синь-озеро снова до краев налилось.

Утро пришло. Заснул огнерогий олень на вершине Зеленой Вараки. А по широкой тундре снова ходят олени. Скачет Олешка — Золотые Рожки, Хозяйка Травы смотрит,

как ягель кудрявится, как травы растут, воду в Синь-озере охраняет. Ходит с ней рядом малое дитя—телочка на шатких ножках, серебряные рожки едва пробиваются. Облизывает ее Хозяйка Травы розовым языком, на край неба подсаживает, пусть светит оттуда ясной зорькой.

Тихо на земле, хорошо. Только Оадзь стонет на болоте, тину к разбитой голове прикладывает, да Тала-Медведь бродит по пепелищу, опаленную шкуру зализывает, сам себя жалеет.

Вот и выходит — что доброму на пользу, то злomu во вред.

Копье, топор и котел

Пришел из нездешних земель к саамам Тала-Медведь, принял человеческое обличье и говорит:

— Вы меня, саамы, не бойтесь. Я теперь не Тала-Медведь, я теперь Тала-Купец.

— Ладно, — говорят ему, — купец так купец. А чем торгуешь?

— Вот полную кережу товара привез: копья — оленей добывать, топоры — лес рубить, котлы — варево варить.

Обрадовались саамы охотники, спрашивают:

— А почем продаешь?

— Да ни почем, задаром отдаю. Только такой уговор: кто оленя убьет — мне половину несет, кто срубит лесину — мне тащит половину, кто варево сварит — мне половину оставит. Так три года. А три года пройдет — копья, топоры да котлы ваши будут.

Призадумались охотники: ох, и хитер Тала-Купец! Задаром отдает, да больно дорого берет. А что поделаешь? Без копыя оленя не убьешь, без топора дерево не срубишь, без котла варево не сварить. Твоя сила, Тала-Купец.

Разобрали охотники у Талы товар и откочевали в тундру диких оленей добывать. Что ни день — везут Тале кто оленью шкуру, кто оленью тушу, кто дрова, кто варево из котла. А больше всех возит славный Лаурикадж, всем охотникам охотник. У него копые дальше всех летит, у него топор шибче всех рубит, у него котел лучше всех варит.

Вот прошел год, другой миновал.

Тала-Купец тупу¹ из бревен возвел, полы в тупе оленьими шкурами застелил, у него в амбаре мясо на крюках висит, у него варево не переводится.

А саамы охотники жен-детей накормят, собакам остаточки дадут, сами не доедят, не допьют, впроголодь живут.

Вот и третий год кончился. Пришли охотники к Тале-Купцу, говорят:

— Вышел нашему уговору срок. Ничего тебе, Тала, больше не станем возить.

Разъярился Тала, по-медвежьи взревел:

— Еще три года будете возить. Не то все копыя, топоры да котлы у вас отберу!

Испугались саамы — и впрямь отберет. Снова стали Тале половину добычи возить.

Только славный Лаурикадж, всем охотникам охотник, против Талы-Купца пошел. Он оленя убьет — целиком домой несет, елку срубит — к своей веже тащит, варево сварит — сядет к котлу, сам досыта ест, жену-детей потчует, собак кормит.

¹Тупа — дом, изба.

Еще пуще взъярился Тала-Купец, прибежал к Лаурикаджу, схватил копые, котел и топор, домой к себе уволок и в амбаре запер.

— Будешь знать, Лаурикадж, как против Талы-Купца идти!

Что Лаурикаджу делать? Сложил он пожитки в кережу и откочевал к дальнему озеру. Закинул в озеро сети, рыбы наловил, сам поел, жену-детей накормил, собакам остатки бросил. Добрый охотник нигде не пропадет.

А копые, топор и котел лежат у Талы в амбаре, ведут меж собой разговор на своем на железном да на медном языке.

— Скоро ль наш хозяин на охоту пойдет? Не терпится мне оленя добыть! — звенит копые.

— Скоро ль наш хозяин в лес пойдет? Не терпится мне дерево срубить! — стучит топор.

— Скоро ль наш хозяин воды в меня нальет, огонь разведет? Не терпится мне варево сварить! — гудит котел.

А Тале-Купцу не к чему на охоту ходить, деревья рубить, варево варить — ему все готовое несут.

Так лежали копые, топор и котел не день, не два, а целый год. От безделья заржавело копые, заржавел топор, в котле паутина завелась.

— Ой, худо мне! — дребезжит копые. — То ли дело было у славного охотника Лаурикаджа. Навострит он меня, салом смажет, на охоту возьмет, и лечу я светлой молнией в оленя. А с охоты придем, мягким мехом оботрет, у стены поставит.

— Ой, худо мне! — стучит топор. — То ли дело было у славного охотника Лаурикаджа. Наточит он меня, оботрет, в лес возьмет, и сверкаю я меж елок, как месяц ясный. А домой придем, сухим мхом оботрет, у стены положит.

— Ой, худо мне! — стонет котел. — То ли дело было у

славного охотника Лаурикаджа. Вымоет он меня, почистит, над огнем с варевом повесит — жарким солнцем горю я среди вежи. А теперь что? Плохое наше житье. Что делать, братья?

— Бежать надо отсюда к Лаурикаджу, — звякнуло копые, — не то совсем пропадем.

— Бежать! — тукнул топор.

— Бежать! — прогудел котел.

Метнулось в оконце копые, выскочил топор, вытащили они котел и убежали с Талиного двора.

Долго бродили они по лесам и тундре, наконец пришли к той веже, где раньше Лаурикадж жил. Нет тут славного охотника, нет Лаурикаджа.

Зазвенело тогда копые:

— Что ж, как-нибудь одни проживем. Я буду на охоту ходить.

— А я буду лес рубить! — тукнул топор!

— А я варево варить! — прогудел котел.

Пошли в лес. Каждый высматривал то, что ему по нраву. Топор все сушняк искал. Подойдет к лесине — тук-тук, какой в ней вкус, рубить ли ее, тесать или на дрова колоть?

Вот увидел: стоит высокая сушина. И застучал по ней во всю мочь:

— Тук-тук! Тук-тук! Эй, охотнички! Бегите сюда!

Прибежали копые и котел.

— Что случилось? Что стряслось? Скорей говори!

А что топор может сказать? У него один разговор: рубить, тесать, дрова колоть. Стучит по сушине:

— Больно хороша! Давайте, свалю, расколю, обед сварим!

Поглядело на него копые, зазвенело:

— Эх, топор, топор, не из тебя ли обед варить. Пойдем-ка дальше. Однако примечай, где сушина стоит.

Пошли дальше. Ходили, ходили, видит котел, из-под камня, из зеленой травы вода бьет ключом. Захотелось котлу набрать студеной воды, обед сварить. Загудел он во всю мочь:

— У-у-у! Охотнички, бегите сюда!

Те прибежали, ждут, что котел скажет.

А что котел может сказать? У него один разговор: вода, варить, кипятить. Вот он и гудит:

— Вода хороша! Ох, вода хороша! Обед бы из нее сварить.

Посмотрело копые на котел, зазвенело:

— От одной воды, вари не вари, навару не будет. Пойдем дальше. Однако примечай, котел, где вода журчит.

Отправились дальше. Вдруг копые видит: дикие олени пасутся. Взметнулось оно, полетело и вонзилось в бок оленю-быку. Упал олень замертво. Тут копые зазвенело во всю мочь:

— Дзинь-дзинь! Охотнички, бегите сюда!

Те прибежали.

— Что случилось? Что стряслось? Скорей говори!

Копье звенит:

— Вон дикий олень убитый лежит, будем обед варить. Беги, топор, за дровами, беги, котел, за водой, а я шкуру с оленя сдеру, мясо приготовлю.

Содрало копые с оленя шкуру, мясо приготовило, принес топор сушину, огонь на кострище развел, принес котел воды, над огнем повис. Положили в него мясо, пусть варится, а пока сварится, копые и топор легли спать-отдыхать.

Кипит котел, пыхтит, булькает, от него по лесу мясной дух идет. А вокруг того леса Тала-Купец бродил. Учужал он мясной запах и пошел на него.

Видит котел: идет кто-то, и запыхтел он изо всех сил:

— Проснитесь, братья! Человек к нам идет, славный Лаурикадж, всем охотникам охотник! Встречайте его!

Проснулось копьё, да как зазвенит:

— Совсем ты котел от копоты ослеп! Не человек это, а Тала-Купец!

Проснулся топор, как застучит:

— Схватит он нас, унесет, в амбаре запрет!

— Бежим, братья! — забулькал котел.

Взвалило копьё на острие кусок мяса и припустилось бежать. Схватил топор сушину в охапку и поскакал вслед за копьём. Соскочил котел с огня и покотился за ними вдогонку.

Увидел Тала-Купец такое диво, от страха взревел и помчался во все лопатки к своей тупе. Засел в ней и дверь на засов запер.

А копьё, топор и котел бежали, бежали пока духу хватило. С копьё мясо слетело, в болото угодило, топор сушину потерял, котел варево расплескал.

Сидят они, кто на пне, кто на камне, кто на кочке, отдуваются, пот утирают.

Чуть слышно зазвенело копьё:

— Худо, братья! Не житье нам без славного охотника Лаурикаджа. Что делать будем?

— Пойдем его искать! — тукнул топор.

— Может, его у озера найдем! — всхлипнул котел.

Шли они, шли и к большому озеру пришли. Видят, вежа стоит, возле нее Лаурикадж сидит, сети чинит.

Увидал их Лаурикадж, обрадовался. Взял копьё, салом смазал, на охоту пошел. Метнул копьё в дикого оленя, полетело оно синей молнией, насмерть оленя сразило. Притащил Лаурикадж тушу, разделал, досуха копьё мягким мехом вытер, у стены поставил. Взял топор, наточил, почистил, в лес пошел лесину рубить — ясным месяцем мелькает топор меж елок.

Принес Лаурикадж лесину домой, на дрова расколол, топор сухим мхом вытер, у стены поставил.

Вымыл, почистил Лаурикадж котел, воды в него налил, мясо положил, над огнем повесил. Жарким солнцем горит котел посреди вежи.

А поспел обед, сел Лаурикадж у котла, сам ест, жену-детей потчует, собак кормит, пока в котле донышко не проглянулось.

Услыхал про такие дела Тала-Купец, от злости свету не взвидел. Выскочил из тупы, сбросил с себя человеческое обличье, снова Тала-Медведем стал, бежит к озеру, к веже Лаурикаджа, ревет на весь лес:

— Вот я тебя, Лаурикадж, схвачу! Вот я тебя, Лаурикадж, задеру! Вот я тебя разорву! Вот я тебя съем!

Вышел славный Лаурикадж из вежи, метнул в Талу-Медведя свое копье. Пробило оно медвежью шкуру, в бок медведю вонзилось.

Еще пуще ревет Тала, на Лаурикаджа наседает. Выхватил Лаурикадж из медвежьего бока копье, топором по голове Талу хватил. Попятился Тала, за голову держится, она у него что котел гудит. А Лаурикадж снова копье поднял, в Талу метит.

Почуял Тала-Медведь, что тут ему и конец будет, повернулся да как бросится от Лаурикаджа наутек, только его и видели.

Материнская прядинка (Ловта¹)

Давным-давно, в далекие стародавние времена, жили в лесу старик со старухой, растили они дочку-красавицу по имени Настай.

Старик, простая душа, не умел своим умом жить — что скажут ему, то сделает, а не скажут, сам не домыслит, по нему и так ладно. А бабка сильна умом была, многое она знала, многое умела, одно слово — нойда².

Жалела бабка своего старика. Скажет ему: «Иди, дед, зверя промышлять!» И сама самострел берет, вслед за мужем идет. Скажет: «Надо, дед, рыбы наловить!» И сама с ним в лодку садится, вместе сети закидывают, вместе вытаскивают. Скажет: «Пришла, дед, пора дикарей добывать!» И сама за копье берется, наравне с дедом оленей бьет.

¹ Ловта — быль, предание.

² Нойда — знающий человек, вещунья.

Была у них добыча всегда велика — бабка слово такое знала: и зверь, и птица, и рыба к ней прямо в руки шли.

Так жили они, и было у них всего вдоволь — и мяса, и рыбы, и одежды меховой, и постели пуховой. А подросла дочка Настай, обучила ее бабка всему, что знала, всему, что умела, и стали они жить еще лучше.

Тут настал худой год — напала на саамов хворь. Занемогли и дед с бабкой. Чует бабка — смерть к ней идет, говорит она Настай:

— Ухожу я, дочка, к отцам моим и к отцам отцов моих. На тебя старика оставляю. Смотри, береги его!

Дух перевела да с тем и ушла.

Бережет дочка старика — настоем из трав поит, медвежьим салом растирает, оленьей печенкой кормит. Уберегла от хвори, уберегла от смерти, а от дури разве убережешь?

Полетел по вежам слух, что бабка померла, дед вдовый остался и добра у него много. Долетел тот слух до нездешней земли, до далекого селенья. А там бедовая женка жила с дочкой своей Косоглазкой. У них ветер вежу набок свалил, у них огонь в котле дыру прожег, у них сети сопрели, самострел изломался. А им все нипочем. Был у них один олень-бык, да и тот хромой, запрягут они его в худую кережу и ездят из дома в дом по гостям. Тем и кормились.

Посадила женка Косоглазку в кережу, поставила ей на колени баклагу с шальной водой и погнала хромого быка через леса и горы, через болота и тундру в саамскую землю, к стариковой веже. Приехала, видит: стадо оленей пасется, сытые собаки бегают, возле вежи старик сидит.

— Ты и есть тот дед,— кричит женка,— что вдовый остался?

— Я и есть тот дед.

— Так знай: теперь я твоя женка, а это наша дочка Косо-

глазка. Будем здесь жить, будем хозяйничать. Ты чего молчишь? Поди быка распряги!

А деду, что ни скажи, все ладно. Пошел быка распрягать.

В ту пору Настай дома не было, в лес за дровами поехала. Привозит дрова — что такое? В веже шум, крик, стук. Отворила дверь, а там чужая женка песни орет, чужая девка ей подтягивает, косым глазом подмаргивает, дед ложкой по пустому котлу стучит, со смеху, ровно дитя малое, покатывается. Перед ними пустая баклага из-под шальной воды стоит.

Спрашивает Настай старика:

— Кто это, отец, к нам в гости припожаловал?

Как закричит тут чужая женка:

— Да как ты смеешь, негодная?! Я не гостья здесь — хозяйка я! Отцу твоему женка, тебе мачеха, а эта девица — тебе сестрица! Дед, верно я говорю?

А что дед может сказать? Кивает головой:

— Верно!

Покорилась отцу Настай, стала новой женке прислуживать — морошки моченой подала, мякушек¹ принесла, постель пуховую постелила, оленьим пологом накрыла.

Ест женка, Косоглазке в рот сует, угощенье нахваливает, а сама думает: «Как бы мне эту девку известить!» С тем и спать на пуховую постель повалилась.

Вскочила женка чуть свет, велит деду на озеро идти рыбы наловить, велит Настай хлебы испечь, воды наносить, оленя зарезать, шкуру выдубить, новые пологи сделать, да еще для нее с Косоглазкой печки да каньги сшить, красным сукном и жемчугом разукрасить.

— Да, смотри, чтобы все готово было, когда дед придет!

Сказала так, а сама думает: «Нипочем девке не управиться.

¹ М я к у ш к и — нечерствеющие хлебцы.

Вот я деду и пожалуюсь, велю гнать вон из дому». С тем и спать снова повалилась.

А Настай за работу принялась, спешит, старается.

Вот и дед с озера идет, рыбу несет. Разбудила Настай женку, разбудила Косоглазку. Видят они, все готово: мясо сварено, хлеба испечены, пологи новые расстелены, на них печки да каньги лежат, красным сукном и жемчугом разукрашены. Надела печок и каньги женка, надела Косоглазка, друг перед дружкой красуются.

Тут дед в вежу вошел. Как закричит женка, как ногами топает:

— Ах ты, Настай, негодная! Мы тут с дочкой старались — работали, а ты весь день спала, только сейчас глаза продрала! Иди хоть собак рыбой покорми!

Пошла девушка собак кормить, а женка с Косоглазкой на мясо набросились. Сами едят, деда потчуют, для Настай пустые кости кидают.

— За что ее, лентяйку, кормить? — говорит женка. — Гони ее, дед, из дому!

А Настай кусочек хлебца отломил, косточки пососала, тем и сыта была. Кланяется старику, говорит:

— Все, что велят, буду делать. Не гони только меня, отец, из родной вежи. Тут моя матушка жила.

Не знает старик, кого слушаться.

Наелась новая женка, на пуховую постель повалилась, да только сон от нее бежит, все-то она думает: «Больно ловка девка — со всякой работой управляется. Чем бы ее донять?» Думала, думала и надумала. Вскочила чуть свет, велит деду оленей запрягать, в кережи все добро складывать, в нездешние земли собираться.

— Не хочу, — кричит, — на дочь твою ленивую да неумелую

работать. Пусть живет одна в своей веже, а мы к моему дому откочуем.

Запряг старик оленей в райду¹, стал класть в кережи одежду меховую да постель пуховую, стал класть оленьи шкуры да пологи, шкурки лисьи да беличьи, топоры да копыя, сети да самострелы. А женка подкладывает: печки да каньги, прялки да скалки, котлы да ведра, ножи да иголки.

Ни корочки хлеба, ни куска мяса на прожиток Настай она не оставила, ни рыбы, ни шкуры, ни постели, где бы ей поспать да согреться. Даже огонь в очаге злая баба водой залила. Думает про себя: «Ловка была девка, пока добра вокруг много. Пусть теперь живет-управляется. Не иначе с голоду помрет, либо медведь ее задерет, а то зимой мороз заморозит».

С тем и уехала.

Осталась Настай одна в пустой веже — зябко ей, темно, голодно. Задумалась она, как ей дальше жить?

Вдруг слышит: материнский голос ей на ухо шепчет:

— Оглядишь, доченька, поищи вокруг!

Поискала Настай вокруг, видит на полу земляном прядинка лежит. Верно, когда пряла мать пряжу, суровую нитку оторвала и на пол бросила. Подняла Настай прядинку и снова материнский голос слышит:

— Вспомни, доченька, чему я тебя учила!

Вспомнила Настай и сплела из той прядинки силышко. Пошла она на угор в реденький лесок, где куропатки ягодами кормились, поставила силышко, и попалась в него куропатка. Вытянула Настай из ножек куропатки жилки и еще одно силышко сделала. В два силка две куропатки попались. Очистила девушка куропаток от пуха, теперь бы из них варево сварить. А в чем да на чем? Котелка нету и очаг не горит.

¹ Райда — кочевой поезд, состоящий из нескольких оленьих упряжек.

Тут снова ей на ухо материнский голос шепчет:

— А ну, вспомни, доченька, чему я тебя учила!

Пошла Настай в лес, нашла порубку, отыскала острую щепку, выбрала березу с гладкой корой и стала щепкой бересту драть. Надрала бересты, согнула ее, свернула, глиной обмазала, на солнце высушила. И вышел у нее берестяной котелок.

Набрала она в котелок воду, куропаток положила, над очагом повесила, а в очаг мху сухого, шишек еловых, хворосту подбросила. И давай два камня друг о дружку что есть мочи бить. Била, била, искру выбила, и упала та искра на сухой мох. Вспыхнул мох, загорелись шишки, хворост пламенем охватило. Горит огонь в очаге, кипит вода в котелке, куропатки варятся.

Съела Настай варево и снова силки поставила. День ото дня стала она добывать куропаток все больше и больше. Мясом кормилась, из жилок силки делала, а пух впрок запасала.

Накопилась у нее пуха целая гора, заберется она на ночь в пух — тепло ей спать, мягко. Одно худо — летит пух по всей веже.

Тут вспомнила Настай, как мать ее пряжу прядла. Пошла она в лес, нашла гладкую палочку, стала из пуха с жилками нитку сучить, на палочку, как на прялочку, наматывать. Напряла пряжи, сплела пуховое одеяло. Устлала пол белым яглем, сухой травой, сверху одеялом накрыла. Хорошо стало в веже — чисто, тепло, очаг горит, в котелке куропатки варятся.

Все бы ладно, да скучно одной жить.

Тут услышала она снова материнский голос:

— Вспомни, доченька, заветное слово!

Пошла Настай в лес, вырыла молодую сосенку, корешки оборвала, с пряжей ссучила, крепкий вангас сплела и пошла в тундру. Видит — стадо диких оленей пасется. Легла она в ягель с подветренной стороны, сказала заветное слово и ста-

ла ждать. Отошла от важенки малая телочка, к ягелю тянется, к девушке близится. Накинула Настай вангас телочке на шею, притянула к себе, взяла на руки и понесла в свою вежу.

Стала девушка за телочкой ходить, свежей травой и ягелем кормить, ключевой водой поить. Привыкла к ней телочка, бегает за Настай, как за важенкой.

Запасла Настай для телочки корму — травы сухой да белого ягеля, а сама думает: «Зима подступает, скоро снег падет, мороз затрещит, а у меня ни печка, ни шапки, ни яров¹ нету». Однако телочку резать пожалелá. Тут снова услышала она материнский голос:

— Вспомни, доченька, мою науку!

Пошла Настай на озеро к старой иве, гладкий сук отломила, в дугу согнула, крепким вангасом концы стянула. Лук у нее получился. Набрала она в лесу гладких палочек, над очагом посушила, в концы острые камешки вогнала. Вот у нее и стрелы.

Выпал снег. Привязала Настай телочку у вежи и пошла зверя промышлять. Видит: белки по веткам прыгают, шишки грызут, лиса по снегу стелется, за мышами охотится. Стала девушка стрелу за стрелой пускать. Белок настреляла, лису убила, принесла добычу домой. Шкурки со зверя сняла, очистила, сушить развесила. На другой день снова на охоту пошла.

Идет с охоты с добычей, видит: возле вежи мать-важенка стоит, телочку облизывает. «Ну, — думает Настай, — нашла она свое дитя, теперь с собой уведет!» Нет, не увела мать-важенка, сама возле вежи осталась.

В ту зиму большой снег на землю пал да еще морозом его сковало. Трудно диким оленям тот снег копытами пробивать, до ягеля добираться. А у Настай в запасе и ягель, и сушеная

¹ Яры — меховые сапоги.

травы. Кормится мать-важенка, кормится телочка, а тут еще ~~олень-бык с сыном оленькой пришел и других оленей привел.~~

Сидит девушка у очага, шьет иглой из птичьей кости беличий печок, шьет лисью шапку и думает: «Как бы мне оленье стадо сберець. Весна настанет, дикари от меня в тундру уйдут». Услышала она тут снова материнский голос:

— Вспомни, доченька, мою науку!

Пошла Настай в лес, нашла волчью нору, а в ней выводок — четверо волчат. Сказала она заветное слово, достала из норы выводок и в вежу к себе унесла.

Кормила она волчат беличьим мясом, поила ключевой водой, а как подросли, стала к оленям приваживать, стала учить, как стадо пасти, оленей охранять. Волчата ее слушаются, ровно собаки по пятам ходят, стадо стерегут.

Хорошо стала жить Настай.

А та женка бедовая привела райду в нездешние земли, к далекому селенью, к своей веже. Да только вежа вся развалилась, бревна от дождя сгнили.

Выскочила женка из кережи, кричит деду:

— Эй, дед, беги, лес руби, бревна теши, вежу складывай, оленей распрягай, поклажу скидывай, очаг разжигай, варево вари!

А сама взяла две оленьи шкуры и поехала менять их на шальную воду.

Стоит дед, не знает, за что первое приниматься. Оленей распряг, поклажу скинул, котелок достал, воды в него налил, мясо положил, очаг разжег, котелок над огнем повесил. Схватил топор, в лес побежал.

Только в нездешней земле и лес-то нездешний — одно дерево можно рубить, на другое запрет положен. Пока старый деревья рубил, бревна тесал, напали на его собак чужие собаки,

олений распугали, котелок сбросили, мясо утащили. Идет дед из лесу, слышит лай, вой, драка. Стал собак разгонять, стал оленей искать. Тут женка приехала, баклагу шальной воды привезла. Смотрит: вежа не сложена, поклажа раскидана, очаг не горит, мясо собаки доедают.

Как затопает она ногами, как закричит на деда:

— Ах ты, старый пень! Чтоб живо все готово было!

Стал старик наново очаг разжигать, мясо варить, вежу складывать. До утра возился. А женка с Косоглазкой мяса наелись, шальной воды напились, в оленьи шкуры завернулись да спать повалились.

Наутро женка зовет старика. велит ему:

— Ты на речку сходи, рыбы налови, ты тесто поставь, хлебы испеки. А рыбы наловишь, варево свари.

А сама взяла полную кису шкурок беличьих и поехала менять на шальную воду.

Замесил дед тесто, взял сети и пошел на реку. А в нездешней земле и реки нездешние. Сел дед в лодку, от берега отчалил, сети закинул. Закружила лодку быстрина, сети у деда вырвала, в море унесла. Едва старый на берег выбрался. Поплелся он к веже без сетей и без рыбы. Вспомнил про хлебы, к тесту кинулся, а оно уже из квашни вылезло, по полу ползет.

Тут женка приехала, шальную воду привезла. Смотрит: ни сетей, ни рыбы, ни хлеба. Как закричит, как затопает ногами:

— Ах ты, старый пень! Чтоб живо все готово было!

Бросился дед лепешки печь, оленя резать, мясо варить.

Так и пошло у них. Женка с Косоглазкой ездят, добро на шальную воду меняют, а деду велят зверя промышлять, оленей пасти, варево варить, хлебы печь. Совсем у деда ум за разум зашел, он и за то и за другое хватается, все у него из рук валится.

Так год миновал. Раз проснулась женка поутру, видит: пусто в веже. Ни пологов меховых, ни постелей пуховых, ни котла, ни ведра, ни ложки, ни плошки. Вышла из вежи — и стада оленьего нет, собаки с голоду разбежались. Один хромой бык пасется. Велит женка быка в керезу запрягать.

— Поедем, — говорит, дед, в саамскую землю, к твоей веже. Там ты и рыбу хорошо ловил, и зверя хорошо промышлял, и дикарей хорошо добывал.

А сама думает: «Да и девки твоей там верно давно уж нету. Волки косточки ее растащили».

Запряг дед хромого быка в керезу, женку с Косоглазкой посадил и погнал быка через леса и горы, через болота и тундру в саамскую землю к своей веже.

Приехали, видят: стадо оленей пасется, сытые волки его охраняют, возле вежи в беличьем печке, в лисьей шапке Настай сидит, сети плетет.

— Добро, — говорит, — пожаловать, отец! Я тебя давно жду. Оголодал, верно, с дороги умаялся. Войди в вежу, варева из куропаток отведай, на постели пуховой поспи-отдохни.

Посмотрел дед на оленей, посмотрел на родную вежу, посмотрел на дочку, посмотрел на женку с Косоглазкой, посмотрел на хромого оленя, да как хлопнет себя по лбу, да как закричит громким голосом:

— А ну, сгинь-пропади, злая баба! Чтоб глаза мои тебя не видели, чтобы уши не слышали!

Хлестнул дед что есть мочи хромого быка. Взвился бык и помчал керезу с женкой и дочкой ее Косоглазкой обратно в нездешние земли.

А дед дома остался.

Чакля

Жил в лесу старик со старухой, растили они сына Ярашку. Справил старик Ярашке лук по росту и взял с собой на охоту — пусть учится зверя промышлять.

Стал стрелять старик — полетела стрела прямо лисице в глаз, стал стрелять Ярашка — полетела стрела куда захотела. Говорит старик Ярашке:

— Иди сынок, сыщи свою стрелу.

Искал, искал Ярашка, видит торчит стрела меж еловых корней. Выдернул, а из дырки дымком тянет. Заглянул в дырку: что такое? Под землей стойбище. Возле вежей ребятишки играют, в речке хозяйки белье полощут, рыбаки рыбу ловят, в тундре пастухи оленей пасут. Все, как у саамов, только вежи, и люди, и олени маленькие-премаленькие.

Видит Ярашка, лезут ребятишки по бревну вверх на землю. Закрыв глаза, притворился, что спит, а сам вполглаза смотрит.

Вылезли ребяташки ростом с еловую шишку, глазки у них узенькие, ножки тоненькие, сами веселые, хохочут. Играют, по Ярашке прыгают, кувыркаются. Шевельнулся Ярашка, они, как мышата, шмыг в дырку.

Пошел Ярашка к отцу, рассказал про человечков, а тот говорит:

— Вот чудо! Это чакли — подземные жители. Как бы их повидать!

А Ярашка вдруг чует — за ухом у него кто-то хихикает. Хватъ, а это Чакля. Держит его Ярашка в руке, спрашивает:

— Как тебя звать?

— Звать тебя как? — передразнивает Чакля и хохочет.

— Я — Ярашка! — говорит Ярашка.

— Ярашка — я! — дразнит его Чакля и снова хохочет.

Такой веселый попался Чакля! Попросил Ярашка отца: «Возьмем его домой. Пусть мне братом будет».

Принесли они Чаклю домой. Старуха его на руки взяла, а он скок в очаг и котел перевернул. Дым, чад, Чакля весь в саже, а хохочет, заливается. Вымыла его старуха, посадила вместе с Ярашкой сети чинить. А он в ячеях застрял, рвет их, барахтается и рад, смеется.

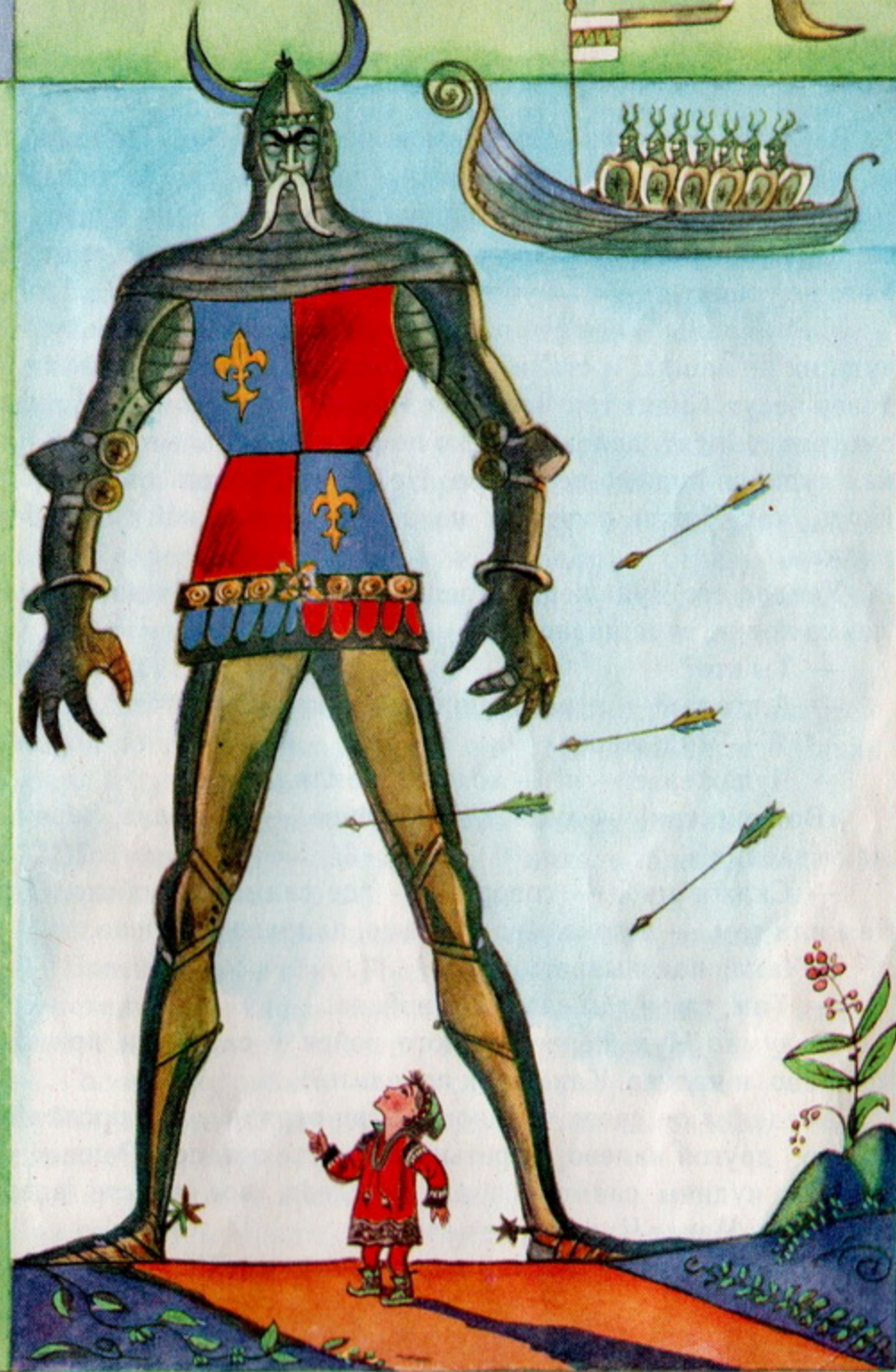
— А ну, — рассердилась мать на Ярашку, — неси его откуда принес. Пусть в дырке живет. Нам такой не нужен.

Чакля смеется, а Ярашка в слезы:

— Пусть у нас живет! А то и я с ним уйду.

Вот как!

Остался Чакля с Ярашкой жить. Вместе балуются, вместе делу учатся, каждый кусок пополам делят. Ярашка большой вырос, а Чакля все маленький. Зато сильно ловкий стал: сети чинит, рыбу ловит, оленей пасет и зверя промышляет. А умен — никто его не перехитрит.

В ту пору настали для саамов лихие времена. Пришла на их землю с северного моря вражья сила — чудь белоглазая. Плывут чудины в лодках большим войском. С виду будто люди, а на голове шлем с рогом и глаза белые — мимо смотрят. Кого не увидят, грабят и убивают.

Ушли саамы в лесную чащу, вырыли себе землянки, чтобы чудь их не нашла, и стали жить. Охотники залезли на елки — дозор несут. Сидят так Ярашка с Чаклей на еловом суку, вдаль смотрят и видят, далеко-далеко по реке лодки плывут, а в лодках чудинов видимо-невидимо. Не успел Ярашка глазом моргнуть, как Чакля соскочил на землю и побежал навстречу лодкам.

Увидал его Чудьжерве, предводитель вражьего войска, вылез из лодки, спрашивает:

— Ты кто?

— А кто ты? — переспрашивает Чакля и смеется.

— Я — Чудьжерве.

— Чудьжерве — я! — хохочет Чакля.

«Вот оно как! — думает Чудьжерве. — Выходит, парень с нами заодно!»

— Скажи мне, — говорит, — где саамское войско? Там, там или там, — и показывает прямо, направо и налево.

И Чакля показывает:

— Там, там и там саамское войско!

Подумал Чудьжерве: «Много войск у саамов и прямо, и направо, и налево. Как бы их победить?»

Разделил он своих чудинов на три отряда, один послал направо, другой налево, с третьим на месте остался. Решил: как побьют чудины саамов справа и слева, все вместе вперед двинутся. Чакле Чудьжерве велел:

— Иди, правому отряду дорогу показывай!

Вел, вел Чакля отряд и завел в гиблое болото. Он маленький, легкий, по кочкам скачет, а чудины большие, тяжелые, их трясина за ноги схватила, идти не пускает. Они вырываются, а их все глубже затягивает. Сосет трясина, чавкает, так с макушкой и засосала. Одни шлемы рогатые торчат.

Отломил Чакля один рог, под печок спрятал и побежал к Чудьжерве. Тот спрашивает:

— Богатую добычу взяли?

— Взяли богатую добычу! — отвечает Чакля и смеется.

— Теперь левому отряду дорогу показывай!

Вел, вел Чакля отряд и привел в дремучий лес. Там саамы на елках сидели. Махнул им рукой Чакля — стрелы со всех сторон полетели. Смотрят чудины вверх — откуда стрелы летят? А охотники бьют их, как зверя. Побили всех чудинов, пустые шлемы валяются.

Отломил Чакля еще один рог, под печок спрятал и вместе с Ярашкой пошел к речке. Ярашка в кустах притаился, а Чакля побежал к Чудьжерве.

— Ну, — спрашивает Чудьжерве, — всех побили?

— Побили всех! — засмеялся Чакля и бросил к ногам Чудьжерве оба рога.

Понял все Чудьжерве, разъярился, кричит чудинам:

— Бросайте его в реку! Пусть потонет.

Схватили два чудина Чаклю и в речку бросили. Тут видят все: стоит он на берегу, смеется, а оба чудина ко дну пошли.

— Голову ему рубите! — кричит Чудьжерве.

Рубанули чудины мечом, трем своим головы снесли, а Чакля живой стоит, смеется.

— Вяжите его! — кричит Чудьжерве.

Вяжут чудины Чаклю, а его будто нет — друг дружку связали.

Оробел Чудьжерве, думает: «Надо бежать из земли саамской».

Велел он садиться чудинам в лодки. Поплыли они через пороги и волоки к малому островочку, к большому водопаду. Тут ночь наступила. Вылезли чудины на остров, костры разожгли, ночлег устроили. И не чувствуют, что подкрались Чакля с Ярашкой и все лодки между собой связали. Сели утром чудины в лодки. Тут подул ветер и погнал лодки по широкому разводью прямо в пучину водопада. Разбились все лодки в щепы, и чудь пропала.

Пошли Чакля с Ярашкой домой. По пути увидел Чакля родную елку, заглянул в дырку под нею и стал с Ярашкой прощаться. Попрощался и ушел под землю.

Больше его Ярашка не видел. Однако все знают — если стряется беда с саамом, чакли всегда придут, помогут. Как родные братья.

Тала-Медведь и великий колдун

Повадился Тала-Медведь вокруг стойбища ночью шататься. Ходит-бродит тихо-тихо, голоса не подает, за камнями таится-выжидает: авось глупый олененок от стада отобьется или щенок за стойбище выскочит, а то и дитя человеческое выйдет. Медведю все — пожива.

Однако как ни таись, а следы на снегу остаются — куда их денешь? Увидали матери те следы, говорят малым детям:

— Не смейте допоздна при луне с горки кататься. Тала-Медведь близко. Схватит, в свою тупу унесет, на обед задерет.

Так разве ж неслухи материнское слово слушают? В одно ухо вошло, в другое вышло.

Поздно. Луна взошла, а они все с горки на санках катаются.

Вылез из-за камня Тала-Медведь, раскрыл свою кису — кожаную суму, растопырил ее поперек дороги, а сам в тени залег.

Покатились санки с ребятами с горки, да со всего размаху в медвежью суму влетели! Выскочил Тала, захлопнул затворки, взвалил суму на плечи и пошел домой. Идет, пытит, радуется:

— Ух, ух, вкусный дух! Полну кису ребят несусь!

Шел, шел, притомился, повесил суму на еловый сучок, сам под елкой лег и захрапел.

Висят ребятки в суме, меж собой шепчутся:

— Что делать будем? Тала нас съест!

Один самый маленький парнишечка спрашивает:

— Есть ли у кого нитки, иголки?

— Есть, есть, у девочек есть! — отвечают ему.

Достал парнишечка складной нож из яры, распорол суму, детишек на волю выпустил, приказывает:

— Живо камни таскайте, в суму кидайте!

Натаскали ребята камней, в суму накидали, и парнишечка туда же залез. Велит:

— Теперь зашивайте и домой бегите!

Зашили дети суму и домой побежали.

Проснулся Тала-Медведь, потянулся, спрашивает:

— Все ли вы там в моей кисе живы?

— Все, все живы, — отвечает парнишечка.

Взвалил Тала кису на плечи да так и сел!

— Охо-хо! Тяжелехонько! Зато хватит вкусного мяса на обед и на ужин!

Едва-едва дотащил Тала кису до дому. Залез на земляную крышу, кричит в дымовую дыру своей хозяйке Медведице:

— Эй, Талахке, готовь большой берестяной котел, я много вкусного мяса принес!

Повесила Талахке над очагом большой берестяной котел, воды налила, огонь развела.

— Готово, — кричит, — спускай мясо!

Тряхнул Тала кису́, камни посыпались, котел разбили, вода пролилась, огонь погасила. Дым столбом стоит.

Взревела медведица, а Тала наверху не слышит. Еще раз кису́ тряхнул, выскочил из нее парнишечка, сел в сторонке, в руке ножик зажал, ждет, что дальше будет.

Вошел Тала в дом, на хозяйку рычит: почему котел разбит, почему очаг погас, почему мясо не варится?

А Талахе ему в ответ ревет:

— Ах ты, старый пень! Зачем вместо мяса камни кидаешь?

Смотрит Тала — правда, камни лежат. Почесал за ухом, говорит:

— Однако вон сидит один вкусный парнишка. Давай хоть его сварим.

Тут парнишечка как чиркнет ножом о камень, так что искры посыпались, как закричит:

— Стой на месте Тала-Медведь! Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабушка колдунья, мой дядька колдун, моя тетка колдунья, а я изо всех самый великий колдун! Это я из ребят камни сделал!

— Ух, ты! — удивился Тала. — То-то я ребят словил, а камни принес. Не стану я варить тебя, великий колдун. Только ты за это из камней снова мясо сделай! Я голодный, моя жена Талахе голодная, мой сынок Талашка спит в люльке голодный.

— Что ж, — говорит парнишечка, — это можно! Тащи большой медный котел, тащи хворост, огонь разжигай...

Побежал Тала за медным котлом, побежала Талахе за хворостом. А парнишечка камни из дома выкинул, один только себе оставил, выхватил из очага головешку, в тряпку завернул да поверх Талашки в люльку положил. Сидит люльку качает.

Прибежал Тала — принес котел, прибежала Талахке — принесла хворост.

— Давай скорей ребят, будем обед варить!

Отвечает им парнишечка:

— Тут ваш сын Талашка заплакал. Пока с ним возился, все ребята разбежались. Зато теперь крепко спит Талашка, — и показывает головешку в люльке.

Заревела Талахке-Медведица, заревел Тала-Медведь:

— Ой, беда! Загубил ты нашего сына Талашку, сделал из него головешку!

Чиркнул парнишечка ножом по камню, так что искры посыпались, закричал громким голосом:

— Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун! Могу из головешки снова Талашку сделать! Только отнесешь меня за это, Тала, домой!

— Отнесу, отнесу, сейчас отнесу.

Сунул парнишечка головешку под печок, ткнул кулаком в бок Талашку, тот проснулся и заорал во все горло.

Радуетя Талахке, радуется Тала, всего Талашку облизали. А парнишечка вскочил на плечи медведю, сел верхом, приказывает:

— А ну живо неси домой!

Понес Тала, что поделаешь? Донес до озера, где саамы рыбу ловят, говорит:

— Беги теперь сам. Боюсь дальше идти!

А парнишечка чирк ножичком:

— Мой отец колдун, моя мать колдунья, я сам великий колдун! Это озеро я сделал! Хочешь из тебя такое же сделаю?

— Не хочу, не хочу! — затряс головой Тала и так припустился, что быстрее ветра добежал до стойбища.

Тут выскочили саамы, схватили Талу, связали:

— А, попался трусливый Тала! Казнить тебя теперь будем. Зачем наших детей таскаешь?

Тонким голосом взмолился Тала:

— Развяжите меня, отпустите меня! Я скажу вам, что делать, чтобы медведи ваших детей не таскали.

Развязали саамы Талу, ждут, что скажет.

— Первое дело: должны дети слушаться материнского слова. Второе дело: должны иметь храброе сердце. Третье — должны глядеть прямо в глаза медведю. И тогда Тала не тронет.

Сказал так и убежал домой без оглядки.

С тех пор саамы с малых лет не боятся медведей. Встретят Талу в лесу, храбро прямо в глаза посмотрят, и не трогает Тала, уходит.

Ну, а кто не слушается материнского слова, того утащит. Пусть тот сам на себя пеняет.

Откуда пришла радость

Вот как было.

Летала дочь Солнца Акканийди — Ясное Пятнышко по небу, смотрела с высоты небесной на землю, согревала оленей в тундре, птиц и зверей по лесам и варакам, рыб в морях и озерах... Все живое она понимала, всем давала радость. Только люди были ей непонятны: то обрадуются ее теплоте взгляду, то нахмурятся, спрячутся в вежу. По каким законам живут они? Отчего плачут? Отчего смеются? Почему враждуют друг с другом?

Пригляделась Акканийди к людям, видит: нет среди них ровни. Одни едят сытно, в собольи печки рядятся, на охоту не ходят, не пасут оленей. Другие для них зверя промышляют. оленьи стада водят, а сыты не бывают, одеты бедно, ходят голову понутив. Пожалела этих людей Акканийди, захотелось ей дать им такую радость, чтобы никогда их не покидала!

Вот настал вечер, кончило Солнце свой путь по небу, свалилось за море спать-отдыхать. Стала просить его Акканийди:

— Пусти меня, отец, на землю, к людям!

Встревожилось Солнце, глянуло сердито. Говорит:

— Чего ты там не видала? Мало тебе на небе простора?

— Скучно мне! — говорит Акканийди.

— Как так скучно? Играй с тучами в прятки, пляши с солнечными лучами, пой песни с ветром! А люди — им и обидеть недолго. Они такие.

Примолкла Акканийди, а потом снова просит:

— Отпусти, отец, хоть ненадолго!

Подумало Солнце: «Не отпустишь, — улетит без спросу!»

— Что ж, — говорит. — Ладно, полетишь завтра. А сейчас спи-отдыхай до утра.

Вот настало утро, проснулась Акканийди, видит: лежит она на оленьей шкуре в человечесей веже. Стоят перед нею старик и старуха, смотрят во все глаза на такое диво. Не было у них детей, жили они одни, а тут вдруг девочка-подросток лежит на оленьей шкуре. Личико у нее круглое, румяное, как ягода морошка, смотрит на них теплыми глазами. Откуда только явилась?

Не говорит Акканийди откуда явилась, а просит:

— Возьмите меня в дочки. Пустите пожить в вашей человечесей веже.

Старуха была знающая, нойда, она живо смекнула, какое тут диво. Говорит она:

— Возьмем тебя в дочки. Живи сколько хочешь.

Стала Акканийди жить, стала осматриваться. А стояла старикова вежа на плавучем острове посреди озера Свято, под кудрявой сосною. И не было на том острове ни души, кроме старика и старухи. Поняла Акканийди, почему отнес ее сюда

отец Солнце — боялся он за нее. А здесь — хоть и люди есть, однако безлюдно. Только не того Акканийди хотела. Стала просить она старика и старуху:

— Отведите меня к людям!

Говорит ей старуха:

— По людским законам ты еще маленькая — перевеське¹ еще не надела. Погоди, придет твое время.

Помогает Акканийди — Ясное Пятнышко старухе по хозяйству, старику чинить сети, ждет, когда придет ее время.

А старуха смастерила перевеське, сшила девичий наряд. Посмотрела Акканийди на ее работу и сама где камешек цветной прилепила, где ягодку сухую, где жемчуг. До того стало красиво, никогда еще такой красоты старуха не видала.

Сплел старик венок из можжевельных веток, обрядила старуха Ясное Пятнышко в девичий наряд, перевеське ей на голову возложила — стала девушкой Акканийди. Погляделась она в гладкую воду озера Свято, и весело ей стало! Запела она песню, закружилась в пляске. Смотрят на нее старик и старуха — никогда они такого не видали, не слышали: не то птица поет, не то ветер стонет, и кружатся над землею листья. Радостно у них стало на сердце.

Сказал тогда старик:

— Пришло, доченька, твое время идти к людям. Пусть же откроются их глаза и уши на то, что несешь ты им, Акканийди! Пусть не оскудеет твое сердце и умягчатся сердца людские!

А старуха сказала Акканийди бережное слово.

Ночью, когда все спали, потянул свежий ветер, напружил сосновые ветки, и поплыл остров по озеру Свято на Север, к устью великой реки, Реки Отцов.

Наутро повел старик девушку Акканийди к людям. Взяла

¹Перевеське — головной убор девушки.

с собой Акканийди три маленькие замшевые кисы. Сама она выделала для них замшу, сама сшила и набила сухими ягодами, разноцветными камешками и отборным жемчугом.

Пришли они в ближнее селенье, подняли полог над дверью вежи, видят: сидят вокруг очага женщины, мужчины и дети, едят китовое мясо. Жир стекает у них по пальцам, а лица и глаза блестят от сытости и довольства. В тот год даровало море тому племени сытость на долгое время — принесли волны морские к устью Реки Отцов ледяную гору, а в ней замерзшего кита. Люди вырубали изо льда китовое мясо, и каждый ел сколько мог, до отвала.

Вошла Ясное Пятнышко в вежу — вскочили на ноги женщины, мужчины и дети. Такой девушки они никогда не видали. Женщинам захотелось приласкать ее, потереться щекою о щеку, мужчинам крепко прижать ее к сердцу, а детям — поиграть у нее на коленях. Все тянули к ней руки, трогали ее наряд, тербелили косы, тащили к себе, отнимали друг у друга.

Тогда сказала Акканийди осторожное слово. И люди, хоть видели, что стоит она на том же месте, не могли ухватить Акканийди — руки их проходили сквозь нее, как сквозь воздух. Испугались женщины, оробели мужчины, заплакали дети. Но Акканийди рассмеялась, взяла за руку юную девушку, всем велела взять друг друга за руки и повела за собой на берег Реки Отцов. Там она запела песню и закружилась в пляске. Никогда саамы не видали и не слыхали такого. Но глаза и уши у них раскрылись, и такая радость вошла им в сердце, что они запели, вторя Акканийди, и стали кружиться вместе с нею.

А когда все устали и со смехом повалились на землю, Акканийди незаметно достала из маленьких кис горсточку жемчуга, камешков и ягод и подозвала к себе девушек и молодых. Она прижала ладошку к земле и спросила:

— Есть там что?

Ей ответили:

— Чему там быть? Ничего нету!

— А вот и есть! — подняла Акканийди руку, а там узор — круги, колечко в колечко, месяц и звезды, ножки сорочки, гусиные лапки — все в жемчугах, все сияет на солнце.

— Это я сделала, — говорит Ясное Пятнышко. Потом смешала узор и велит: — А теперь вы сделайте!

Стараются девушки, стараются молодухи, раскладывают камешки, ягоды и жемчуг — а все не так красиво. Накроет Акканийди узор ладошкой, потом руку поднимет — и все видят: вот еловая веточка, рог оленя, солнце с лучами, волна морская. Все разноцветное, все сияет на солнце.

Стала раздавать Акканийди людям ягоды, камешки и жемчуг — сколько ни раздаст, все кисы ее полны. Стала учить она девушек и женщин разукрашивать узорами печки да каньги.

Приходят они к ней, показывают свою работу, а она дотронется рукой до узора — и становится он еще краше. Поцелует девушку в нос, потрется щекой о щеку и скажет:

— Другой раз сама сделай не хуже!

Надевают девушки разукрашенную одежду и бегут смотреться в лужи — хорошо ли, красиво ль? Стараются друг перед дружкой. И суженым своим и мужьям стали расшивать печки да каньги, не велят им носить старую некрасивую одежду.

А девушка Акканийди ходит по домам и селеньям. Где тростинку срежет, дудочку смастерит и свистит то иволгой, то синицей. Где песенку споет, где сказку расскажет, где спляшет. И повсюду раскрывает свои кисы, дарит людям камешки, ягоды и жемчуг, учит составлять затейливые узоры.

Весело стало жить саамам, всегда у них в сердце радость. Одеты чисто, красиво. Сети ли чинят, в кереже ли едут, пасут

ли оленей — складывают песни, как учила Акканийди, — песню Солнца и моря, песню ледяной горы, принесшей кита, песню счастливой охоты. А настанет вечер, соберутся все на поляне, ведут хоровод и пляшут.

Только старейшинам племени, жадным старикам и старухам, не пришлось по душе Акканийди. Не раскрылись глаза их для красоты узоров, не раскрылись уши для сказок и песен, и сердца не смягчились. Смотрели они только на жемчуг и требовали от Акканийди:

— Дай нам побольше!

Акканийди давала, а они снова свое тянут:

— Ма-ало! Еще дай!

Узнала Ясное Пятнышко, что не для радости, не для доброго дела просят они у нее жемчуг. Меняют его у женщин на пологи, печки и каньги, у мужчин — на оленьи шкуры, беличьи шкурки, мясо и рыбу.

Сидят они в своих вежах, жиреют от безделья — все им несут за тот жемчуг.

Сказала тогда Акканийди старейшинам и их старухам:

— Больше для вас жемчуга нету!

Обозлились старики, обозлились старухи, недобрым взглядом смотрят на Акканийди. Стали кричать:

— Что за песни, пляски да узоры! Никогда саамы такого не знали! Когда же на охоту ходить, когда рыбачить, коли будут все наряжаться да смотреться в лужи? Убить надо Акканийди!

Но не могут они убить Акканийди, знает она осторожное слово. Тогда пошли старейшины на болото, понесли телочку оленью, стали выкликать злую болотную старуху Оадзь из трясины, просить у нее подмоги.

— Возьми. — говорят, — болотная старуха, приношенье, а нам за это скажи, как извести Акканийди.

Болотной старухе Оадзи давно стоит Акканийди поперек горла. Не стали саамы слушать ее ночные лягушечьи песни, сами теперь поют да слушают песни Акканийди — на болото их не затащишь. Говорит Оадзь старейшинам:

— Вот возьмите замшелый камень, заманите Акканийди — Ясное Пятнышко в вежу да закройте дымник. Бросьте в нее тот камень, потеряет тогда силу ее обережное слово.

Схватили старейшины камень, побежали в селенье, а там Акканийди сидит в веже, показывает молодайкам, как пуговку из раковины сделать. В злобе своей забыли старики прикрыть дымник, вбежали в вежу, кинули в Акканийди камень. Стала она вдруг едва видной, вздохнула, песню запела и с дымом очага улетела в небо.

Не стало на земле Акканийди. А песни остались, остались пляски, остались узоры. Помнят их люди, передают мать дочке, отец сыну, придумывают сами. И раскрываются у них глаза и уши, умягчаются сердца, приходит к ним радость. Смотрит на них Ясное Пятнышко с высокого неба и радуется вместе с ними. Говорит она отцу своему Солнцу:

— Видишь, отец, это я сделала! Я — Акканийди!

Все, что сказано здесь, верно, как путь Солнца по небу, как бег времени, как смена зимы и лета, дня и ночи. Еще в далекие стародавние времена сложена про это песня.

Содержание

АККАНИЙДИ — ЯСНОЕ ПЯТНЫШКО	5
ХОЗЯЙКА ТРАВЫ	21
КОПЬЕ, ТОПОР И КОТЕЛ	35
МАТЕРИНСКАЯ ПРЯДИНКА	45
ЧАКЛЯ	57
ТАЛА-МЕДВЕДЬ И ВЕЛИКИЙ КОЛДУН	63
ОТКУДА ПРИШЛА РАДОСТЬ	71

для детей младшего школьного
возраста

ХОЗЯЙКА ТРАВЫ

Саамские сказки

Пересказала
Анна Григорьевна Елагина

Редактор *М. В. Долотцева*

Художественный редактор *Е. А. Ельская*

Технический редактор *В. А. Авдеева*

Корректор *Л. В. Конкина*

Сд. в наб. 23/1-73 г. Подп. к печ. 28/V-73 г. Формат
бум. 72 x 90 1/16. Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,85.
Уч.-изд. л. 4,58. Изд. инд. ЛД-353. Тираж 150 000 экз.
Цена 37 коп. Бумага № 1. 7-6-2. 224-73. Зак. № 605.

Издательство „Советская Россия“,
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Фабрика офсетной печати № 2
Росглаволиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательств
полиграфии и книжной торговли,
г. Дмитров Московской обл., Московская, 8.

37 коп.

Советская Россия